

ДИТЯ МОЕ

ДЭВИД И БЕВЕРЛИ
ЛЬЮИС

РОМАН

• • • • • ГЛАВА 1 • • • • •

Келли Мейнс, вся взвинченная, сидела на скамейке у детской площадки и, надвинув на нос солнцезащитные очки-«консервы», делала вид, что полностью погружена в изучение чего-то в своем мобильном телефоне. Ночь она провела в захудалом номере захудалой гостиницы, а рано утром нацепила на голову светловолосый парик и надела стильное вязаное платье для беременных. Бордовый цвет ей не шел, но иначе сегодня было нельзя.

В десяти ярдах от нее восьмилетняя Сидни Мор искрилась *joie de vivre*¹. Волосы миловидной девочки скрепляли красного цвета заколки, которые очень шли к ее безрукавке и голубым джинсам от известной дизайнерской фирмы. Сидни носилась как угорелая по детской площадке вместе с ватагой визжащей ребятни, качалась на качелях, спускалась с горки, лазала по пластмассовым турникам, то и дело рискуя оступиться и упасть.

«Красавица», — думала Келли, не сводя взгляда с резвой малышки.

Как только девочка появилась в парке, все внимание Келли было приковано к ней и только к ней. Келли наблюдала за тем, как Сидни топает ножками всякий раз, когда спрыгивает на землю, съехав с горки, как бегают, мило вытянув вперед ручки, осторожно, так, словно боится упасть, как подскакивает на набитом древесными стружками мягком сиденье, премило хохоча. Каштановые волосы ребенка сверкали, находясь в совершенной гармонии с загорелой кожей и выразительными карими глазами. А эти *веснушки!* Премиленькие крапинки на щечках и на лбу!

«В детстве у меня были точно такие же», — подумала Келли.

Хотя стояла довольно-таки пасмурная погода, недостаток солнца отнюдь не портил этот чудесный весенний денек в калифорнийском Малибу. К тому же время от времени солнечным лучам все же удавалось пробиться сквозь тучи. Детская площадка располагалась не так уж далеко от края обрыва, нависавшего над пляжем Зума-бич, и находилась в нескольких минутах ходьбы от начальной школы «Кабрилло», в которой училась Сидни. Келли полной грудью вдыхала свежий, пропахший солью воздух. По периметру площадки росли роскошные калифорнийские деревья, столь непривычные

¹ Радость жизни (*фр.*). (*Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*)

глазу человека, всю жизнь проведенного в Огайо. Впрочем, земля под ними казалась сухой, ее покрывала скудная растительность, так что общую картину не оживляли даже голубые и желтые пятнышки диких цветов, произраставших у ограды парка.

Келли взглянула на экран мобильного. Двадцать минут пятого. В отчете Эрни говорилось, что приемная мать Сидни живет по четкому расписанию, никогда не позволяя себе задерживаться на одном месте более чем на полчаса. Поскольку с того момента, как она появилась тут вместе с дочерью, прошло около двадцати минут, Келли решила, что пора действовать.

При мысли о том, что случится, если что-то пойдет не так, ее охватил легкий озноб. Одна упавшая кость домино может вызвать падение целой конструкции. Со времени последней неудачи прошло четыре недели, почти месяц, но горечь поражения до сих пор ее занимала.

Круглолицая светловолосая Дебора Мор внешне совсем не походила на свою приемную дочь. Она была одета в открытое платье без рукавов с голубым цветочным рисунком. На ногах — сандалии на ремешках. Женщина сидела на скамье в нескольких ярдах от Келли, тоже уставившись на экран своего мобильного телефона. Выросшая в среде представителей высших слоев общества, Дебора Силлс вышла замуж за Джеффри Мора, молодого делового партнера ее отца Уильяма. Отец Деборы возглавлял занимающуюся экспортом фирму с миллиардным оборотом и головным офисом в Лос-Анджелесе. Теперь миссис Мор с мужем и дочерью жила в Малибу. Их особняк, который возвышался над омывающим Зума-бич океаном, стоил восемь миллионов долларов, а в услужении у Моров состояло пять человек, занятых с утра до ночи.

Из-за рисков, сопряженных с непомерным достатком, Дебора и Сидни никогда не покидали дом без Брюса Стайлса, мускулистого парня, надевшего сегодня узкие джинсы, алого цвета шелковую рубашку и кожаный пиджак. Спрятав глаза за темными элегантными очками, Брюс Стайлс сидел на скамье напротив, не очень умело притворяясь праздным отдыхающим. Впрочем, нельзя было исключить, что он делает это специально. Если он намеревался *напугать* потенциального злоумышленника, своей цели он явно добился.

Делая вид, что ей это дается с трудом, Келли привстала, оттолкнувшись от скамьи одной рукой и придерживая живот другой. Она неспешно направилась к Деборе, которая сидела в тени, отбрасываемой листьями пальмового дерева.

Опершись рукой о спинку скамьи, Келли глубоко вздохнула и произнесла:

— Ух! Ну и печет же на солнце!

Дебора, казалось, ее не замечала.

— Вы не против, если я здесь присяду? — опускаясь на скамью, спросила Келли.

Дебора в ответ не совсем искренне улыбнулась. Келли повернула голову и посмотрела на солнце. Следует ли продолжать разговор? Она уже чувствовала на себе пристальный взгляд Брюса. Телохранитель изучал ее поведение и мимику.

Прошло несколько минут, прежде чем Дебора покосилась в ее сторону и сказала:

— Мне нравится этот цвет.

Келли улыбнулась. «Знаю, что нравится», — подумала она. Она расправила складки на подоле платья.

— И мне тоже.

— Когда собираетесь рожать?

— Теперь совсем скоро.

Келли поморщилась, прикоснувшись к округлому животу.

Сунув мобильник в сумочку, Дебора посмотрела на собеседницу уже с интересом.

«Попалась», — подумала Келли.

Взглянув на играющую на детской площадке Сидни, она спросила:

— А у вас роды были легкими?

Дебора пожала плечами, явно не желая признаваться, что никогда не рожала.

— Если так пойдет и дальше, то это будет в первый и последний раз, — заявила Келли.

Дебора в ответ лишь улыбнулась. Следующие несколько минут миновали в непринужденной болтовне. Обсуждали, как следует растить детей. Все это время Келли приходилось тщательно стараться не замечать поднявшегося со своего места и неспешно направляющегося в их сторону Брюса. Если она выдаст себя, даст телохранителю понять, что знает, кто он такой, это вызовет ненужные подозрения.

Несмотря на нарастающее волнение, Келли, не торопясь, искусно вела Дебору к заранее приготовленной для нее ловушке. Словно невзначай, она упомянула, что в прошлом работала помощницей у фокусника. Уловка, как всегда, сработала. Быть может, внешне Келли вполне укладывалась в стереотип типичной помощницы фокусника, либо мысль о том, что беременная женщина может бессовестно врать, будто когда-то появлялась на сцене в весьма смелом костюме, просто не приходила людям в голову.

— И как вам? Нравилась работа? — поинтересовалась Дебора.

— Если честно, то мне порядком надоело, что меня то и дело распиливают.

Дебора рассмеялась.

— Правда, я научилась кое-каким трюкам, — продолжала Келли, — умею показывать карточные фокусы, заставляю исчезать четвертаки и все такое прочее.

Брови Деборы удивленно поползли вверх. Келли сделала вид, что роется у себя в сумочке.

— Подождите. У меня есть, — потянувшись к своей сумке, оставила ее Дебора.

Глаза женщины блеснули в предвкушении чуда. Выудив четвертак, она протянула его Келли.

Губы Брюса осуждающе сжались. Он приблизился еще на пару ярдов. Еще немного, и он, как говорится, будет дышать ей в затылок. Келли представила себе, как его волчьи глаза за темными стеклами очков пристально смотрят на нее. При малейшей опасности он готов броситься в бой.

Келли принялась перемещать четвертак между пальцами... туда-сюда... туда-сюда... Этому фокусу она училась полгода... Вуаля! Монетка исчезла. Келли, подняв руки вверх, помахала ими в лучах солнца, повернула ладонями к Деборе, а затем показала ей тыльную сторону рук.

Глаза женщины округлились.

— Великолепно!

Прикоснувшись к уху Деборы, Келли, к немалой ее радости, «извлекла» оттуда монету и протянула ей. Та брать не стала.

— Моей дочери понравится этот фокус.

Дебора позвала Сидни, стоявшую в тени горки и перешептывающуюся о чем-то со своими подружками.

— Иду, мама!

Брюс, отбросивший малейшее притворство, теперь находился всего лишь в нескольких футах от скамейки. Мужчина склонился и прошептал что-то Деборе на ухо. Его явно беспокоила эта незнакомка.

Келли видела, как напряглись его бицепсы под кожей пиджака. Даже там, где она сидела, ощущался резкий запах одеколона настоящего альфа-самца. Под мышкой у него что-то топорщилось. Эрни оказался прав: Брюс никогда не выходит из дома без «глока».

Дебора раздраженно отмахнулась, и Брюс с явной неохотой отошел, впрочем не сводя взгляда с Келли.

Возведя глаза к небу, Дебора спокойным голосом пояснила:

— Это наш телохранитель... Брюс... тот еще зануда. К сожалению, мой муж в этом вопросе непреклонен.

Келли притворилась, что видит Брюса впервые.

Окинув его оценивающим взглядом, она тихо сказала своей собеседнице:

— Не могу упрекнуть в этом вашего мужа. Мы живем в опасном мире.

— И то верно, — согласилась Дебора.

А тем временем Сидни так и стояла со своими подружками. Видно было, что расставаться с ними девочке совсем не хочется.

— Мы уезжаем, дорогая! — вновь позвала ее Дебора.

Келли затаила дыхание. Неужели она проделала такую работу лишь для того, чтобы в последний момент потерпеть неудачу?

Бросив напоследок пару реплик, Сидни наконец устремилась к ним.

— Извини, мама! Тейлор рассказала мне свой большой секрет.

Келли улыбнулась, вспоминая собственное детство.

— Тебе обязательно нужно увидеть этот фокус, — сказала Дебора, кивнув в сторону Келли. — Это миссис...

Она запнулась.

— Майклс, — солгала Келли, протягивая руку для рукопожатия.

— Приятно познакомиться.

Дружелюбно улыбнувшись, она пожала протянутую ручку малышки.

Усевшись между матерью и незнакомкой, Сидни прижалась щекой к плечу Деборы и уставилась на Келли.

Продолжая мило болтать, Келли принялась показывать ей фокус с четвертаком. Глаза девочки расширились. Она придвинулась поближе. После того как исчезнувшая монетка была извлечена из уха Деборы, Сидни, рассмеявшись, захлопала в ладоши.

— Покажите еще!

«Покажите еще». Дети всегда просят показать еще раз. Как мило!

Келли исполнила просьбу девочки. Сидни хлопала громче прежнего. Теперь, когда монетка исчезла, девочка схватила незнакомую женщину за руки и принялась поворачивать их, желая убедиться, что четвертак на самом деле исчез.

— Где монетка?

От неожиданного прикосновения Келли вздрогнула так, словно ее ударило током. Она испугалась, что бурная реакция может ее выдать. Желая вернуть самообладание, Келли глубоко вздохнула... Неторопливые движения... Спокойный голос... Она выудила четвертак из-за уха Деборы. Девчушка задорно рассмеялась.

— Хочешь увидеть другой фокус? — спросила Келли.

Она встретилась взглядом с Деборой, испрашивая у нее дозволения. Та согласно закивала головой.

Брюс недовольно переступил с ноги на ногу. Теперь Келли предстояло исполнить самый важный из всех ее фокусов, *coup de grace*¹, фокус с ватной палочкой во рту. Впрочем, то, что она собиралась сунуть Сидни в ротик, внешне походило не на вату, а на красный леденец.

Келли вытащила «лакомство» из своей сумочки. «Леденец» был обернут в пищевую пленку. Прежде чем Брюс успел вмешаться, она протянула красную «конфету» Сидни. Телохранитель протестующим жестом поднял руку, но девочка сунула «леденец» себе в рот.

«Поздно, — пронеслось в голове у Келли. — Ты проиграл, Брюс».

Она попросила Сидни вытащить «леденец» изо рта и передать ей. Несколько движений руками и... Вуаля! Угощение из красного стало голубым. Дебора и Сидни были в полном восторге.

Келли передала леденец девочке, и та вновь сунула его себе в рот. Все прошло гладко. Леденец, конечно, был уже не тот. Первый Келли сжала в ладони и быстренько спрятала подальше.

— Хорошо, что мы все же пошли сегодня в парк, — сказала Дебора.

— Здорово! — воскликнула Сидни.

Девочка прикоснулась к руке Келли. На сердце у той потеплело.

— Можно еще?

Ей хотелось бы остаться подольше, провести здесь хоть целый день, но Келли не осмеливалась испытывать свою удачу. Брюс уже проявлял нешуточное нетерпение.

Поэтому Келли сделала вид, что ей больно. Она прижала руки к своему «беременному» животу. Взгляд Деборы выражал серьезную озабоченность.

— Вам следует вернуться домой и немного полежать.

Келли пожаловалась на то, что из-за бесконечных треволнений о предстоящем материнстве она иногда часами сидит и наблюдает за игрой чужих детей.

— Со временем вы успокоитесь... Поверьте мне, — рассмеявшись, сказала Дебора и взъерошила Сидни волосы.

Произнеся еще несколько фраз, женщины распрощались. Время.

Брюс немного расслабился.

— Мы, возможно, еще увидимся с вами, — помахав ей, сказала на прощание Дебора.

Сидни, подпрыгивая, побежала прочь по дорожке.

Келли помахала рукой в ответ.

¹ Удар милосердия, финальный удар (фр.).

— Конечно, увидимся.

Она рискнула кивнуть и Брюсу. Лицо его оставалось все таким же бесстрастным, лишенным и тени доверия к ней.

«Я вернусь, и ты об этом пожалеешь», — мысленно пообещала ему Келли.

Шагая вразвалку, она добрела до автомобиля, плюхнулась на переднее сиденье и закрыла глаза. Перед ее внутренним взором маячило лицо Сидни.

«Наконец-то», — подумалось ей.

Восемь лет неудач. Десятки леденцов. Отрицательные результаты.

Келли завела взятую напрокат машину, делая вид, что не замечает подозрительного взгляда Брюса, которым тот ее провожал. Она боролась с искушением оглянуться и улыбнуться телохранителю широкой победной улыбкой.

«Он подозревает, — решила Келли. — Позже он будет кусать себе локти».

Вместо того чтобы вернуться по Тихоокеанской прибрежной автостраде в свою дешевую гостиницу в Малибу, Келли отправилась напрямик к ближайшему отделению «Федерал Экспресс»¹. На перекрестке, пока горел красный свет, она избавилась от неудобной подушечки, делавшей ее похожей на беременную. Ненужную теперь вещь она забросила на заднее сиденье.

Заехав на стоянку перед отделением «Федерал Экспресс», она выключила зажигание. Поместив похожую на леденец ватную палочку в подходящую емкость, Келли сунула ее в специальную упаковку, предназначенную для транспортировки лабораторных образцов.

Она вошла внутрь.

Молодой человек, в чьих светлых волосах несколько прядей выделялись голубоватым оттенком, прилепил сверху наклейку и отложил упаковку в сторону. Место назначения: Центр лабораторного тестирования в Акроне, штат Огайо. После этого молодой человек набрал и распечатал квитанцию.

— Вот ваш почтовый идентификатор, — показывая длинный ряд цифр, сказал он Келли.

«Почтовый идентификатор», — улыбнувшись, с легкой иронией повторила про себя она.

Заметив улыбку на лице Келли, молодой человек тоже улыбнулся.

По дороге в гостиницу она едва сдерживалась, чтобы не разрыдаться.

¹ Американская компания, предоставляющая почтовые, курьерские и другие услуги логистики по всему миру. (Примеч. ред.)

— Миссия завершена, — произнесла Келли себе под нос. Несмотря на шум волн за окном, спалось ей неплохо.

Выписавшись утром из гостиницы, Келли направилась напрямиком в международный аэропорт Лос-Анджелеса. Оттуда она на коммерческом рейсе вылетела в Атланту, а из Атланты — в Акрон, штат Огайо.

В самолете Келли сидела рядом с пожилой седовласой женщиной, одетой в симпатичное белое платье в черный горошек. Представилась та как миссис Дорис из Миннесоты. Старушка извлекла из сумочки пачку фотографий и принялась показывать ей пятерых своих черно-волосых внуков.

— Вы похожи на мою дочь, — сказала Дорис. — Она худая, как вы... тощая.

Келли улыбнулась.

Не желая обижать старушку, она потратила полчаса на светскую беседу, а потом принялась жевать соленые крендельки, запивая их апельсиновым соком. Обычное кушанье на коммерческих рейсах.

— Не хотите ли взять и мои крендельки? — предложила Дорис. — У меня в сумочке еще кое-что найдется, если пожелаете.

Келли вежливо отказалась. Она обрадовалась, когда соседка, уже явно начинающая страдать старческим слабоумием, задремала.

Келли сомкнула веки. В воображении возникло миленькое личико маленькой Сидни. Женщина все глубже погружалась в пучину грез. Она молилась про себя, чтобы на этот раз все сошлось. Сверху из щелей вентиляции дул легкий ветерок. Келли и думать забыла о том, что земля сейчас находится в тридцати тысячах футах под ней.

«Может ли это быть моя дочь?» — пронеслось в ее голове прежде, чем она погрузилась в сон.

• • • • • ГЛАВА 2 • • • • •

«Почему так долго?» — подумал Джек Ливингстон.

Десятый час ночи. Прошло уже с четверть часа с тех пор, как он послал Натти наверх готовиться ко сну. Обычно девочка быстро справлялась с этим и мчалась, подпрыгивая, вниз, боясь задержаться и попасть в «воронку сонного времени».

Джек положил аэронавигационные карты на кофейный столик и зевнул. Откинув голову на спинку дивана, он прикрыл глаза и вслушался в барабанный стук капель дождя за окном. Надо расслабиться и забыть о работе. До его слуха донесся приглушенный звук выхлопных газов, исторгаемых автомобилем. Машина уехала. На кухне тихо жужжал холодильник.

Вечер Натти провела за чтением книги, пока он изучал аэронавигационные карты, планируя очередное «большое приключение» — полет к побережью штата Мэн. Когда-нибудь, если получится, он перелетит с Натти Скалистые горы. В прошлый раз, когда Джек взял Натти с собой в небо, он разрешил ей сказать пару слов на общей частоте консультативного обслуживания воздушного движения. Приятели-пилоты потом долго веселились.

— Следи, чтобы твой дядя не сбился с курса, малышка!

— Постараюсь, — ответила по радиосвязи девочка, взглянула на Джека и рассмеялась.

Джек уже собирался подняться с дивана и проверить, что же держало Натти, когда зазвонил его мобильный телефон. Вскочив, он схватил лежащий на уголке стола мобильник. Звонила его сестра Сан — вернее, ее звали Сандрой, но, рискни Джек произнести ее имя полностью, недовольного взгляда, а то и слова не избежать.

— Не поверишь, дорогой братец...

С того места, где он стоял, Джек видел, что дверь в спальню Натти закрыта.

— Подожди секундочку. — Зажав мобильный в руке, он позвал: — Натти!

Спустя секунду донесся приглушенный ответ:

— Все в порядке.

А Сан все рассказывала и рассказывала подробности минувшего «ужасного» дня. Слушая ее болтовню, брат подошел к высокому окну. Тяжелые тучи заволокли небо, закрыв собой звезды и полную луну.

Еще одна грозовая ночь в Вустере, штат Огайо.

Боковой дворик. В окне соседнего дома виднелась Диана Фарли, коротко стриженная блондинка, которая недавно вышла замуж. Рядом стоял ее муж Крейг. Супружеская пара мыла посуду. Иногда, как, например, сегодня, когда Лауре пришлось уехать немного раньше, Диана приглядывала за Натти. Заметив его силуэт в окне, супруги приветственно помахали ему руками.

— Отвлекаю? — послышался голос Сан.

— Да... так... Вот соседи мне машут...

— Как у них дела?

— Замечательно, — ответил Джек, стараясь игнорировать подтекст заданного ему вопроса.

«Ты ее упустил, братец!»

Не желая далее огорчать брата, Сан спросила, как дела у Натти. Джек рассказал. Впрочем, ничто не изменилось в их жизни с тех пор, как она звонила в прошлый раз.

Сестра немного помолчала.

— Завтра идешь в школу?

— В последний раз в этом учебном году, — сказал Джек, переходя на кухню.

Открыв дверь холодильника, он заглянул внутрь. В нос ему ударили приятные запахи. Еще осталось немного курятины с чесноком, приготовленной на ужин Лаурой Маст. Традиционное кушанье амишей¹. У мужчины потекли слюнки, но он захлопнул дверцу.

— И что Лаура обо всем этом думает? — спросила Сан.

Джек удивился. С какой стати сестра интересуется мнением няни его племянницы?

— Она считает, что со временем Натти вырастет и тревоги ее оставят.

— Лаура так и сказала?

— Более лаконично.

Помолчав, сестра произнесла:

— Ладно. Давай сменим тему, Джек Тыквенная Голова. Сегодня кое-кто о тебе спрашивал. Если конкретнее, Анита Гудрич. Вы с Натти виделись с ней прошлым летом на пикнике, устроенном компанией. Помнишь?

«Едва», — пронеслось у него в голове.

— Она миленькая и веселая, а еще любит детей. Натти почти весь день с ней играла.

Джек кивнул так, словно сестра могла его сейчас видеть, и заметил, что Лаура забыла нажать кнопку, запускающую посудомоечную машину.

— Анита милая женщина, — сказал он, отнюдь не кривя душой.

Приоткрыв свободной рукой крышку посудомоечной машины, Джек обнаружил, что средство для мытья уже положено в дозатор. *Странно*. Джек нажал кнопку «Отмена», подождал немного, а потом набрал новую комбинацию из нескольких кнопок. Захлопнув крышку, мужчина прислушался: машина тихо загудела, полилась, заполняя ее, вода.

«Только не вздумай ломаться», — мысленно приказал он посудомоечной машине.

¹ Амиши (амманиты) — религиозное движение, крайне консервативное направление протестантизма. Амиши отличаются простотой жизни и одежды, нежеланием принимать многие современные технологии и удобства. Себя они называют «смирненными», а окружающий их современный мир, его жителей и атрибуты — «причудливыми» или «английскими», «англичанами». Предки амишей прибыли из Эльзаса, поэтому между собой они общаются на особом диалекте немецкого языка. (*Примеч. ред.*)

Осенью ему пришлось менять котел парового отопления, а два месяца назад — коробку передач на пикапе.

— Почему бы тебе не пригласить ее на свидание? — предложила Сан.

В ухе раздалось протяжное пиканье, заглушая слова сестры. Лаура! Она только что вернулась домой, следовательно, дело важное. Сан, не умолкая ни на секунду, продолжала излагать свой план касательно Аниты. Прежде чем Джек сумел вставить хотя бы слово, в ухе зазвучали короткие гудки.

«Перезвоню позже», — решил он.

— Я дам тебе телефонный номер Аниты, если хочешь, — не унималась Сан.

Выключив свет на кухне, Джек перешел в гостиную и выключил лампу. В темноте стук капель дождя звучал почти угрожающе.

— Мне кажется, что тебе пора заняться обустройством личной жизни, — довольно язвительно заметила сестра напоследок, — а то состаришься и не заметишь.

Джек хихикнул. Взгляд его остановился на узенькой полоске сербристого света, пробивавшейся из-под двери спальни Натти.

— Я лучше пойду проверю, как дела у Натти. Всего хорошего, сестренка.

— Позаботься о нашей дорожке, — сказала Сан, раздраженная нежеланием брата ее выслушать. — После встречи в школе позвони мне. Обязательно позвони.

Пообещав сделать это, Джек закончил разговор, но вместо того, чтобы идти наверх, вернулся к холодильнику. При мысли о том, что Сан одержима идеей найти ему жену, его лицо исказила гримаса. Наливая себе апельсиновый сок, он опять думал о Натти. Пришлось подавить в себе желание тотчас же бежать к ней. Сан часто советовала ему: «Дай ребенку свободно вздохнуть, Джек!»

На холодильнике висел очередной список любимых кушаний Натти, выведенный на листочке бумаги красным маркером.

Пять летних деликатесов:

- 1) «Поп-тартс»¹ (поразительно!),
- 2) все из кухни амишей, если это приготовлено Лаурой (в противном случае не очень),
- 3) мороженое (особенно сливочное, с вафлями),

¹ «Поп-тартс» — сорт популярного печенья, в котором сладкая двухслойная начинка обернута песочным тестом.

4) спагетти (надеюсь, я написала это слово правильно),
5) зеленая фасоль. (Ха-ха! Я пошутила, как ты догадался.)

Второй пункт вызвал на его лице легкую улыбку, хотя, если начистоту, Джек сомневался, чтостряпня Лауры занимает столь высокое место в списке кулинарных предпочтений племянницы. Мороженое, во всяком случае, никак не могло оказаться на третьем месте. Просто, написав список и прилепив его к холодильнику, Натти хотела этим сказать Лауре: «Я тебя люблю».

Джек поднял голову и взглянул на закрытую дверь спальни племянницы.

«Расслабься, — мысленно сказал он себе, направляясь к ведущей наверх лестнице. — С ней все в порядке».

А если он ошибается? Джек имел сильнейшее подозрение, что с мисс Натали Ливингстон, более известной как Натти, не все в порядке, причем не все в порядке довольно давно.

В половине десятого вечера Келли Мейнс рискнула завести свою пятнадцатилетнюю, отличающуюся капризным характером «тойоту короллу» и была весьма удивлена, когда та подчинилась ее воле. Автомобиль выкатился из покрытого ржавчиной металлического гаража. Двигатель щелкал, словно бомба с часовым механизмом. Включив дворники, Келли направилась к круглосуточному магазину при автозаправочной станции, где она работала. От крошечной квартиры, которую она снимала в доме без лифта, до магазинчика было добрых десять миль.

Директор Джо Коллен был столь любезен, что разрешал Келли самой выбирать, когда и сколько работать. Иногда у нее выпадало не более десяти часов в неделю. Все зависело от множества обстоятельств: в городе ли она или вынуждена уехать. Очень много времени занимали поиски денег. Постепенно эта задача стала непосильной ношей. Без дружеской поддержки Чета и Элоизы она давно бы сломалась.

На саму себя Келли тратила всего ничего: немного денег на квартплату и еще пару баксов на то, чтобы хотя бы по минимуму заполнить холодильник продуктами. Намного больше требовалось на оплату гостиничных счетов, авиабилетов и немалого гонорара Эрни. Его услуги стоили потраченных денег, но деньги были немалыми.

Келли приехала за десять минут до начала своей смены. Она заранее переделалась в форменную одежду. Оставшееся время она потратила на то, чтобы морально подготовиться. Келли боялась предстоящей работы. Тяжелой та не была, а вот сон после смены давался ей с огромным трудом.

Ожидая в своей машине возле той стороны здания, где находились подсобные помещения, Келли слушала местную христианскую радиостанцию. Ноздри щекотал дымок, тянущийся от закусочной напротив. Там жарили стейки на дровах дерева гикори. Сзади звякнул металл крышки мусорного бака. Келли порывисто обернулась и встретила взглядом с улыбающимся Леном. Коллега помахал ей рукой и вернулся в помещение через черный ход. Желая немного успокоиться, Келли нервно забарабанила пальцами по рулевому колесу. Все ее мысли вертелись вокруг лабораторных анализов, ставших возможными благодаря ее поездке в Калифорнию.

Не следовало слишком оболящаться, но Келли не могла не думать: «А что, если вдруг...»

Будучи не в состоянии расслабиться, она подключила свой мобильный телефон к дешевому кассетному адаптеру. Включив собственную музыкальную подборку, Келли открыла большой кошелек и посмотрела на фотографию Эмили, сделанную почти девять лет назад. Губы тихо произносили слова древней молитвы.

Мысли нахлынули на нее. На волнах музыки она уплыла в прошлое... Миленькая детская комната в розово-белых тонах... Там она укачивала свою новорожденную дочку в ранние утренние часы... Там Келли осторожно носила ее, нашептывая на ухо малышке слова любви к Иисусу... Как же она мечтала о счастливом будущем... о близких отношениях с дочерью... Тогда все это казалось вполне реальным...

Когда до начала смены осталось пять минут, Келли выключила музыку и принялась мысленно читать молитву. Она с огромным трудом отгоняла от себя воспоминания о Малибу и встрече с премиленной Сидни, единственной ее надеждой на данный момент.

Закончив молиться, она распахнула дверцу автомобиля и по переживающемуся на солнце тротуару зашагала к магазинчику. Впереди ее ждала нелегкая ночная смена. Легкий дождик увлажнил ей лицо. Келли остановилась и взглянула на ярко-красную неоновую вывеску, сверкающую на темнеющем небе. Неплохой символ того, во что превратилась ее жизнь.

«Не навечно, — пообещала она себе и повторила молитву, которую произносила уже восемь лет подряд: — Прощу! Убереги ее».

• • • • • ГЛАВА 3 • • • • •

Джек постучал в дверь Натти.

— Родная!

— Все в порядке, — раздался тихий голосок.

Толкнув дверь, Джек оказался в мире Натти: украшенные цветочками премиленские зеленые обои, лиловый коврик с узором из босых ножек, постеры с Ариэль, Беллой, Рапунцель и Немо¹. Справа в углу, над туалетным столиком с зеркалом, висела большая сетка с мягкими игрушками племянницы.

«Она уже достаточно взрослая, чтобы отказаться от этого», — не так давно сказала ему Сан.

«Пусть подольше остается ребенком», — ответил ей Джек.

Переодевшись в ночную пижаму, украшенную розового цвета узором, Натти теперь сидела на кровати, скрестив ноги. Руки сложены на груди. Лицо чем-то запачкано. Девочка смотрела на дядю своими большими карими глазами. Тонкие каштановые волосы волнами обрамляли детское личико. Падающий сверху электрический свет отражался на них, образуя нечто похожее на нимб. Джек заметил, как по щеке ребенка катится слеза. Натти вымученно улыбнулась. Глаза ее блеснули.

— Извини, что задержалась.

— С тобой все в порядке, родная?

Девочка состроила гримаску.

— Немного отвлеклась.

«Немного отвлеклась». Одна из любимых фразочек Лауры. Няня употребляла ее всякий раз, когда заведенный порядок вещей давал сбой: то Натти задерживалась в «Американском буфете», то надевала разные носки, то возвращалась с многочасовой прогулки в парке вымотанная до предела.

«Ты, дорогуша, немного отвлеклась, не правда ли?»

Сев рядом, Джек потрепал племянницу по волосам.

— О чем думаешь?

Покачивая головой, Натти привалилась своим тельцем к руке дяди.

— Спать хочется.

Так рано! Джек взглянул на циферблат часов, сделанных в виде кошечки Хэллоу Китти². Половина десятого. Летние каникулы только начались. Джек спросил, хочет ли она послушать сказку. Натти хотела, хотя произнесла это без особого энтузиазма.

Джек принялся в очередной раз пересказывать историю о молодом прекрасном принце, который влетел на своем самолете в черную дыру, образовавшуюся в небе.

— На каком самолете?

— На Марвине.

¹ Персонажи мультфильмов киностудии Уолта Диснея. (Примеч. ред.)

² Персонаж японской поп-культуры, схематически нарисованная белая кошечка. (Примеч. ред.)

Так племянница назвала его «Цесну-182-турбо»¹.

Джек пересказал сказку, добавив несколько ярких подробностей ради того, чтобы Натти не заскучала. На этот раз у принцессы были длинные рыжие волосы, увенчанные украшенной бриллиантами короной, а одета она была в платье, сшитое из золотых нитей.

Мобильный телефон зазвонил в кармане. Скорее всего, это Лаура. Он забыл ей перезвонить.

— Минуточку, — тихо сказал он Натти.

— Кто это? — так же тихо спросила девочка.

Он поцеловал племянницу в макушку и вышел в коридор, прикрыв за собой дверь. Направляясь в свою спальню, он по пути извинился перед Лаурой за пропущенный звонок.

— Я просто хотела удостовериться, что с Натти все в порядке.

В голосе Лауры слышалась тревога.

Джек ввел ее в курс дел.

— Вроде успокоилась, — подытожил он, — по крайней мере пока.

— Кое-что случилось в парке, — сказала Лаура. — Думаю, тебе следует знать.

— Дядя Джек! — позвала Натти из своей спальни.

— Извини, что помешала, — услышав голос девочки, заторопилась Лаура. — Можно подождать до завтра.

Она звонила ему дважды, а теперь предлагает отложить разговор? Ладно. Попрошавшись, Джек поспешил обратно к Натти. Племянница сидела на кровати в обнимку со своими мягкими зверюшками.

— Ладно. Время молиться.

— Еще нет, — сказала Натти. — Я хочу кое-что спросить у тебя.

— Обожаю вопросы. Ем их на завтрак. Спрашивай.

Глубоко вздохнув, Натти улыбнулась. Заправив прядь волос за ухо, она спросила:

— Как думаешь, я похожа на Лауру?

Вытянув шею, Натти повертела головой из стороны в сторону.

Джек сделал вид, что тщательно изучает ее лицо.

— Гм-м-м... Немножко, пожалуй.

Натти выглядела расстроенной.

— Но она могла бы быть моей мамой?

— Что?

— Я знаю, что Лаура мне не мама, но мы похожи...

— Ну...

— Если вы поженитесь, то все так и решат.

¹ Американский легкий самолет общего назначения. Один из наиболее массовых самолетов в истории авиации. (Примеч. ред.)

— Кто «все», дорогая?

Натти попыталась объяснить:

— Когда люди нас увидят, никто не подумает, что меня удочерили. Вместо этого они будут говорить: «Ух ты! У нее мамыны глаза... и нос... даже пальчики». Ты так не считаешь?

— Пальчики?

— Я серьезно! — воскликнула Натти. — Тебе ведь нравится Лаура? Она очень трудолюбивая, много работает. Для взрослой она вполне... прикольная и совсем не старая, как многие из моих учительниц в школе. Лаура уже знает, что я люблю покушать. — Помедлив, девочка добавила: — И она симпатичная, правда, дядя Джек?

Мужчина попытался приструнить мчащуюся галопом лошадь.

— Ну... конечно... но...

— Симпатичная и без косметики.

— Кажется, ты не учла одного важного обстоятельства, — сказал Джек. — Лаура одевается в одежду *смиранных*: белая косынка на голове, длинные передники и неуклюжие черные башмаки с квадратными носами. — Замолчав на мгновение, дядя, пристально глядя на племянницу, добавил: — Это не пустяки, дорогуша.

Натти пожалала плечами.

— Она из амишей. Не говори вздор, дядя. Какая разница? Лаура и без того дни напролет проводит у нас дома. Она ведет себя так, словно она моя мама. Вы ведете себя так, словно вы уже женаты.

Джек нахмурился.

— Дорогуша! Люди не женятся друг на друге просто так. Они сначала встречаются.

Натти глубоко вздохнула, словно набираясь новых сил.

— Ну, тогда пригласи ее на свидание!

Что бы он ни ответил, племянница будет загонять дядю Джека в угол до тех пор, пока он не сдастся. Поэтому он пошел на мировую:

— Что мне надо сказать, чтобы ты сейчас легла спать?

Натти лукаво улыбнулась.

— Скажи: да.

В голове у Джека раздался голос Сан: «Тебя обвели вокруг пальца, братец».

— Дорогуша...

Склонившись, Джек поцеловал девочку в щеку. Как бы ему хотелось, взмахнув волшебной палочкой, дать малышке все, чего она пожелает!

— Ты из-за Лауры расстроилась?

Натти заморгала.

— Лаура никуда не денется. Мне не нужно брать ее в жены только ради того, чтобы она нас не покинула.

Девочка хихикнула, но глаза ее подозрительно сузились. Натти исполнилось всего лишь восемь лет, однако жизнь уже научила ее тому обстоятельству, что в этом мире нет ничего вечного.

— Лаура очень тебя любит, — заверил девочку Джек.

Натти кивнула и скрестила свои ножки, облаченные в розовую ткань.

— Она говорила такое?

— Ей и говорить ничего не надо. У меня глаза еще есть, и я все вижу.

— Два глаза есть... по крайней мере я вижу, что у тебя два глаза.

— И я тебя люблю, милая, люблю больше, чем спагетти, — пошутил Джек.

Лицо Натти прояснилось.

— Я знаю, что ты меня очень любишь.

Глядя на племянницу, Джек прикусил губу, пытаясь справиться с нахлынувшими на него эмоциями.

Заметив неладное, Натти вытерла влагу со своей щеки, а затем, потянувшись, сделала то же самое со щекой дяди.

— Ну вот... Тебе полегчало?

— Спасибо.

— Если хочешь, я могу еще.

Выглядела она при этом вполне серьезной.

Наконец Натти сложила ладони, прикрыла глаза и принялась молиться о подругах в школе. Она попросила Бога помочь найти потерянную библиотечную книгу. Об этой пропаже Джек слышал впервые. А еще Натти молилась о «мире во всем мире»: «Пусть все ладят друг с другом». После девочка молилась о матери, давшей ей жизнь, о своей приемной матери, которая теперь на Небесах, и о «замечательной» няне Лауре.

Когда племянница приоткрыла глаза, Джек еще раз поцеловал ее в щеку и встал с кровати, оставляя в обществе медведя Мишки, кота Гепарда и пса Гровера. А еще компанию Натти составляли десятки суррогатных братьев, сестер, тетя и дядя, скрывающихся под видом мягких игрушек. И что немаловажно, все они имели матерей.

Натти вытащила из-за спины Фелицию, единорога, и протянула игрушку дяде.

— Это тебе... на ночь...

Джек с умилением уставился на голубую лошадку с рогом на лбу.

— Она наделена тайной силой, — пояснила Натти. — Никогда не знаешь, когда она тебе понадобится.

«И то верно», — подумалось Джеку.

— Спасибо.

Закинув единорога на плечо, дядя встал у двери и немного задержался, положив руку на выключатель.

— Спокойной ночи, милая.

— Дядя Джек!

— Что?

— Я люблю тебя больше, чем спагетти.

• • • • • ГЛАВА 4 • • • • •

В тусклом свете, царившем у него в спальне, Джек переоделся в изношенную футболку и полосатые пижамные штаны. Дождь теперь лил сильнее, нещадно барабанил по крыше. Молния осветила окрестности. В домах, занимаемых представителями среднего класса, уже все отходили ко сну. Струи дождя сверкали в свете уличных фонарей. Гроза приближалась. Как только эта мысль зародилась в его голове, окна осветила очередная вспышка. Миновали всего лишь две секунды, прежде чем ударил гром.

Эх, парень! Долгий выйдет вечерок. Набравшись терпения, Джек завязал пояс своего домашнего халата и уселся в кожаное кресло, стоявшее подле комода. Взгляд его упал на фотографию отца. Тот позировал на фоне одномоторного самолета. В юности Джек летал на нем. Другие фотографии отца висели внизу в его кабинете. Даже в своем офисе на аэродроме Джек Ливингстон повесил портрет отца. У него была только одна фотография матери, которую он предпочитал хранить в темноте на дне выдвижного ящика комода.

Как он и предвидел, раздался скрип открываемой двери. Маленькие ножки затопали по полу коридора. Пальчики Натти тихо постукали в дверь его спальни.

— Дядя Джек!

Девочка выглянула из-за приоткрытой двери. В глазах читалась мольба. В руках ребенок сжимал медведя Мишку. Улыбнувшись, Джек махнул ей рукой. Племянница, подбежав, устроилась у него на коленях.

— Не люблю грозу.

— А еще тебе сейчас не хочется спать.

Девочка уперлась носом дяде в шею и свернулась калачиком.

— И что мне с тобой делать, дорогуша?

— Ну... накорми меня.

Девочка понизила голос. Произнесено это было с таким смешным отчаянием, словно ребенок голодал уже не один день.

Джек рассмеялся.

— Скормить тебя львам?

— Нет. Лучше дай мне мороженого.

Мужчина отнес племянницу вниз, и там они, закутавшись в желто-коричневые одеяла, стали есть политое мятным шоколадом мороженое из стаканчиков и смотреть «Русалочку» в сотый раз.

Когда Натти наконец заснула, Джек, потянувшись за пультом дистанционного управления, выключил DVD-проигрыватель. После этого он потушил свет и в полном молчании сидел в темноте. Грудь Натти ровно вздымалась в такт ее дыханию. Он гладил ее волосы и прислушивался к тому, как бесконечная дробь дождевых капель превращается в настоящий ливень, впрочем несильный.

Сонная Натти приоткрыла глаза и улыбнулась.

— Словно кубики льда падают, дядя Джек.

Хмыкнув, мужчина убрал с ее лба прядку волос и поцеловал племянницу. Девочка тотчас же вновь задремала.

Джек подумал, что ее следует отнести наверх, в спальню, но решил подождать, пока шум падающих на крышу капель немного стихнет.

Мысли его завертелись вокруг покойного брата Дэнни и его жены Дарлы, погибших пять лет назад в автомобильной катастрофе, случившейся в трех милях от того дома, в котором сейчас проживал Джек. Он до конца жизни запомнит тот миг, когда получил ужасное известие. Он как раз закончил урок пилотирования. Было это в Уичито, штат Канзас.

Джек посадил самолет и уже собирался повторить со своим учеником только что пройденный урок на земле, когда его внимание отвлекло голосовое сообщение, записанное на его мобильном телефоне. Звонила Лаура Маст, няня его племянницы, женщина из амишей, которую он никогда прежде не встречал.

Джек немедленно перезвонил. Женщина ответила, едва сдерживая рыдания. Спустя час Джек, дозаправив самолет, уже летел прямым курсом в Вустер, штат Огайо. Лаура ждала его в доме брата, сидя на кушетке в своем традиционном наряде амишей. Маленькая Натали крепко прижималась к няне. Девочка была настолько ошеломлена, что не могла до конца осознать всю глубину своей утраты.

После похорон было прочитано завещание. Джек до сих пор помнил выражения лиц собравшихся, когда оказалось, что опекуном Натти станет не его двадцатидвухлетняя сестра Сан, не родители Дарлы, а он. Тишина воцарилась в комнате. Члены семьи пытались рационально обдумать услышанное. *Невероятно*. Как так вышло, что Даниэль и Дарла, приемные родители Натти, выбрали в качестве опекуна ребенка безответственного Джека, пилота и перекати-поле, человека, сбежавшего куда глаза глядят, лишь бы подальше от своей семьи?

— Вы имеете право отказаться, — сказал адвокат, глядя на Джека поверх своих узких очков.

Видно было, что он угадал по озадаченному выражению лица молодого человека, в каком замешательстве тот находится.

«Сан бы подошла больше, — подумалось тогда Джеку. — Все это понимают».

Впрочем, это было не совсем так. Сан недавно окончила колледж. Специализация — графический дизайн. У нее были грандиозные планы. Все, кто хорошо знал его сестру, считали, что ее ближайшее будущее вряд ли связано с детскими праздниками и сопливыми носиками. Навострив лыжи в Большое Яблоко¹, Сан намеревалась в самом ближайшем будущем завоевать мир высокой моды. Впрочем, на похоронах сестра, бледная, словно саван, с трудом справлялась с обрушившимся на семью горем. Всем им пришлось в тот день несладко.

Джеку дали несколько дней на размышления: согласиться ли заменить малышке отца или отказаться. Принимать решение нужно было безотлагательно. Если он и Сан откажутся (в нежелании сестры ввязываться во все это Джек не сомневался), что будет с Натти? Наверняка девочку отдадут на воспитание родителям Дарлы. По поведению стариков в кабинете адвоката было видно, что они с нетерпением ждут, когда смогут прибрать внучку к рукам.

«А почему бы и нет?» — размышлял Джек.

Приехав в дом покойного брата, он застал Лауру одетой в длинное серое платье и черный передник. Натти сидела у нее на коленях. Измученная и очень ранимая на вид девочка смотрела на незнакомца с выражением благоговейного страха.

«Почти позабытый дядя, никогда не имевший времени навестить племянницу, появился, — промелькнуло у него в голове. — Как я могу взвалить себе на плечи эту ношу? Как я смогу ее воспитывать?»

При этой мысли Джек улыбнулся. Он и сам о себе не особенно заботился.

— Мне нужно принять решение, — сказал он Лауре.

Джек ожидал, что няня удивится уже тому, что он всерьез рассматривает возможность стать опекуном Натали. Лаура перевела взгляд с девочки на ее дядю.

— И что вы решили?

Джек присел рядом. Натали шмыгнула носиком и потеряла его. Она подняла глаза и с немым вопросом уставилась на дядю. Казалось, девочка боялась, что он сочтет ее недостойной и откажется стать ее опекуном. Этот взгляд разбил его сердце. «Как она может знать? Никак не может», — подумал он.

¹ Нью-Йорк. (Примеч. ред.)

— Пока ничего, — улыбаясь Натали, сказал он Лауре.

Джек прикоснулся к маленькой ручке девочки. Та вцепилась в его палец. Вдруг ребенок хихикнул и сжал свои пальчики сильнее.

«Поймала! Теперь ты мой!» — как бы говорила она.

— Я вам помогу, — предложила Лаура.

Простодушное выражение ее лица служило лучшей гарантией. Джек почувствовал себя тронутым до глубины души. Из всех, кто имел хоть какое-то отношение к Натали, эта молодая женщина из амишей, кажется, была единственной, кто ему доверял.

Джек ласково посмотрел на племянницу. Девочка была одета опрятно, даже красиво. Пахло от нее чем-то цветочным, очень приятным. Вскоре Джек осознал, что больше не рассматривает возможность отказа от опекунов. Подобные мысли напрочь выветрились из его головы.

Он потянулся к Натали. Та, совершенно не боясь, крепко его обняла.

«Я позабочусь о тебе, маленькая принцесса», — решил он.

Но прежде чем подписать необходимые документы, Джек пообещал с сестрой, с которой не виделся уже несколько лет. Он вырвал у нее *обещание*.

— Останься в городе еще хотя бы на год, — сказал он Сан. — Без твоей помощи я не справлюсь.

К чести сестры, она помогала ему уже пятый год...

Перебирая пальцами растрепанные волосы Натти, Джек думал, что же Лаура собирается ему завтра рассказать. А еще он беспокоился из-за предстоящей беседы в школе.

Гром стих, а молнии погасли только после полуночи. Джек отнес племянницу наверх и положил рядом с любимыми мягкими игрушками. Затем он потянулся за сшитым Лаурой одеяльцем, которое Натти считала одним из самых дорогих ее сердцу сокровищ, и подоткнул его малышке под самый подбородок. Девочка, зевнув, пошевелилась во сне. Медведя Мишку он сунул Натти под руку и поцеловал девочку в щеку.

— Щекотно, — во сне прошептала она.

Натти крепко сжала игрушку. Ее веки затрепетали.

— Спокойной ночи, принцесса, — тихо произнес Джек и прикрыл дверь, оставив щелку шириной в пару дюймов.

Он прошелся по дому, проверяя замки, взглянул на экран системы охранной сигнализации. Там горела надпись: «ВКЛЮЧЕНО». Поднявшись наверх, Джек попытался заснуть. Единорог Фелиция

смотрела на него, лежа в ногах кровати. Мужчина уставился на подвесной акустический потолок. Вдалеке время от времени вспыхивала молния, отбрасывая слабый свет на стены спальни.

Припомнив молитву Натти, Джек задался вопросом, вспоминает ли биологическая мать девочки о том, что у нее есть дочь. Лежит ли она так же без сна в своей постели и пытается ли представить себе, как выглядит сейчас ее девочка, счастлива ли она? Как бы сложилась их жизнь, не отдай она своего ребенка на удочерение? Иногда Джек пытался представить себе образ матери Натти, предполагая, что между ней и дочерью должно быть какое-то внешнее сходство.

Если начистоту, то Джеку было по-своему жаль эту женщину. Дети не разбрасываются.

Теперь он не мог вспоминать без содрогания о своей жизни до появления в ней Натти. Самое смешное заключалось в том, что первые, самые трудные месяцы своего опекунства Джек Ливингстон, глядя в большие глаза племянницы, всерьез верил, что оказывает ей неоценимую услугу, спасая от всех невзгод и тягот жизни. Только впоследствии он понял, насколько наивен был тогда.

Это не он, а *она спасала* его.

Первый час ночной смены Келли провела, расставляя товары на полках. Здесь было все, начиная от консервированной фасоли и супов быстрого приготовления и заканчивая собачьими консервами. А в это время Хейли, ее напарница, шокируя окружающих своим то ли готским, то ли панковским видом, стояла у прилавка в ожидании покупателей. Когда было необходимо, она принимала оплату за шоколадные батончики, лотерейные билеты и даже за бензин, если клиент предпочитал рассчитываться наличными.

Чуть позже Хейли ушла на перерыв, а Келли заняла ее место за прилавком. Примерно в сорок минут двенадцатого, когда клиентов было немного, к заправке подъехал автомобиль с несколькими сидящими в нем женщинами. Одна из них вышла из машины. Хочет заправиться. Даже с расстояния в тридцать футов Келли сразу же узнала свою прежнюю подругу Мелоди Хантер.

Нет, не Хантер. После свадьбы она стала Мелоди Каннынгхем.

Келли тяжело сглотнула. При воспоминании о прошлом нервы ее напряглись. Мел и Кел. Лучшие подруги. Их дружба зародилась в средней школе и, пережив старшие классы, сохранялась на протяжении всех четырех лет учебы в университете штата Огайо. Келли изучала маркетинг, попутно проходя курс бухгалтерского учета. Мелоди получила степень бакалавра по истории. По возвращении домой

после учебы дружба их не увяла. Они даже замуж вышли почти в одно и то же время (всего несколько недель разницы). Дети у них также родились в одном и том же месяце.

Келли вся окаменела, когда Мелоди вошла в магазин. На ней были джинсы, белые сандалии и футболка с надписью: «Иисус исцеляет разбитые сердца». Слишком занятая содержимым своего кошелька, Мелоди, даже не взглянув в сторону Келли, направилась в глубину магазинчика к расположенной там холодильной камере.

В нос Келли ударили запахи пережаренного кофе и машинного масла. До ушей донесся чмокающий звук открываемой дверцы холодильника. Тотчас же вернулась Мелоди, неся упаковку из шести банок кока-колы.

При одном взгляде на Келли ее глаза едва не вылезли из орбит.

— Кел! Господи! Я тебя не узнала!

Келли радостно с ней поздоровалась... слишком радостно... К горлу подкатил комок.

— Как поживаешь? — спросила Мелоди.

Протянув руку, она прикоснулась к волосам Келли.

Подруга оставалась такой же, как и прежде. Шесть минувших лет и пять набранных фунтов ничуть ее не изменили.

Келли ответила вполне любезно, хотя немного натянуто, словно робот, а потом кивнула в сторону оставленного на автозаправке автомобиля.

Мелоди округлила глаза.

— Девочки поехали развлекаться, а мужья остались дома с детьми. Большую часть времени мы только тем и занимались, что смотрели на то, о чем нам давным-давно полагается забыть.

Келли заставила себя улыбнуться. Мелоди оставалась такой же задорной, полной энтузиазма, как прежде: отбросить сомнения и все такое прочее... Только Келли со своим уравновешенным, склонным к меланхолии характером могла ее немного осадить.

— А если честно... Как жизнь? — приблизившись к собеседнице, спросила Мелоди.

Ее рука легла поверх руки Келли. Это ужасно нервировало.

Мелоди понизила голос до благоговейного шепота:

— Ты нашла ее, Кел?

— Нет, — резко отдернув руку, ответила та. — Пока нет.

Мелоди казалась смущенной и очень расстроенной.

— Мне ужасно жаль тебя, дорогая.

Отойдя на шаг, она слегка шмыгнула носом. Воцарилась неловкая тишина. Келли принялась выбивать на кассе чек. Когда-то они были лучшими подругами. Мелоди долгое время помогала ей в поисках.

Они иногда часами вдвоем молились в церкви. Однажды Мелоди сказала ей: «Мы обязательно найдем ее вместе».

А потом Келли почему-то принялась отдаляться от своей подруги, не отвечала на ее звонки, не читала ее эсэмэски до тех пор, пока они вообще не перестали приходить.

Келли почувствовала слабость во всем теле. Дышала она с трудом. Мелоди взяла купленную упаковку с кока-колой.

— Жаль, что мы утратили связь... Мне на самом деле очень жаль.

Келли улыбнулась и пожала плечами, словно сказав: «Всякое бывает».

— Нам нужно как-нибудь опять встретиться, вспомнить прошлые деньки...

Так обычно говорят старые подруги, прежде чем, расставшись, заняться своими собственными делами. Келли это прекрасно понимала.

Мелоди, немного помолчав, окинула взглядом тускло освещенный магазинчик. Эта работа явно не стоила способностей и образования Келли. Бывшая подруга оценила изможденный вид Келли, полинявшую блузку, темные круги под глазами, которые не могла скрыть никакая косметика.

— С тобой все в порядке? — спросила Мелоди.

Искренность ее слов тронула сердце Келли до глубины души. Потом она вновь ожесточилась: «Неужели я настолько плохо выгляжу?»

— Я креплюсь, — ответила Келли, страстно желая, чтобы Мелоди поскорее очутилась за дверью.

Она почувствовала облегчение, когда тишину разорвал автомобильный гудок.

Отвлеченная подругами, Мелоди помахала им рукой с зажатым в ней мобильным телефоном. На глазах ее блеснули слезы.

«Не стоит меня жалеть», — пронеслось в голове у Келли.

— Ты сменила номер, Кел?

Сперва она не поняла, о чем Мелоди спрашивает. Лишь спустя пару секунд Келли осознала, что речь идет о номере ее мобильного телефона.

— Нет, — соврала она.

— Я тоже не меняла.

Последний взгляд. Последний взмах рукой на прощание.

— Пока, Кел.

Мелоди ушла, ушла к своим детям, ушла к подругам, с которыми собралась весело провести вечерок, ушла к любимому мужу, ушла к жизни, не запятнанной горем. Две судьбы сложились совершенно по-разному. Как же все это горько!

«Моя вина», — думала Келли, когда осталась одна и, прислонившись к прилавку, вспоминала прошлое.

Она вспоминала и жалость, светящуюся в глазах Мелоди. Кажется, та считала, что Келли уже дошла до ручки. Теперь, когда Мелоди ушла, она почувствовала, как ее охватывает тоска по невозвратимо ушедшему. Еще больше она жалела о том, что могло случиться, но никогда не воплотилось в реальности.

«Теперь моей девочке уже почти девять лет», — подумала Келли, пристально следившая за ходом времени.

В реальной жизни, будь это в ее власти, она ускорила бы течение времени, прекрасно понимая: чем медленнее оно течет, тем тоскливее становится у нее на душе.

«Мне все равно, худая я или нет, — сказала она себе. — Главное — найти Эмили».

Интересно, считает ли Мелоди ее сумасшедшей из-за того, что она до сих пор ищет дочь? Впрочем, мнение бывшей подруги ее не особенно волновало. За прошедшие годы число людей, разделяющих ее веру, резко уменьшилось, но собственной ее веры и надежды на лучшее хватало для того, чтобы отогнать все сомнения и безнадежность, царившие в мире.

• • • • • ГЛАВА 5 • • • • •

Джека разбудил шум заводящегося мотоцикла соседа. Застонав, он перевернулся с одного бока на другой и накрыл голову подушкой. Спустя несколько мучительных секунд любимый мотоцикл Крейга Фарли, надсадно ревя, умчался по улице прочь. Вскоре рык затих до едва слышного вдалеке урчания.

Ночная гроза рассеялась, а вот сильный ветер продолжал хлестать по стенам дома покрытыми листвой ветвями деревьев. Утреннее солнце пробивалось сквозь нависшие над домом кроны. Солнечный свет окрасил шторы желтоватыми пятнами, отбрасывая на противоположную окну стену замысловатые тени.

Приоткрыв глаза, Джек взглянул на часы. Шесть часов двадцать минут. Перевернувшись на спину, он мысленно перебрал все то, что ему сегодня предстояло сделать. Учитывая силу ветра, тренировочный полет с Тоддом Крайтоном, назначенный на десять часов утра, придется отменить. Тодд был сыном мэра. Этот долговязый подросток, ученик старших классов, был явно влюблен в скорость. Учитывая поперечную составляющую бокового ветра и скорость в двадцать узлов, подобное испытание не под силу новичку, даже такому рисковому, как Тодд. Обычно парень приезжал на аэродром на старом

«джи-ти мустанге» отца — грохочущем монстре, состоящем из сверкающего на солнце металла и угрожающих углов.

Будучи владельцем авиашколы «Хайе Граунд», имея в подчинении несколько летчиков-инструкторов, Джек мог сам выбирать, когда работать. Иногда за неделю он удосуживался налетать не более пятидесяти часов, особенно во время летних каникул, когда ему приходилось больше времени проводить с Натти.

Откинув одеяло, Джек нетвердой походкой направился в ванную комнату. Несколько минут спустя он оттуда вышел. Взгляд его остановился на постели. Ужасно захотелось вновь на ней растянуться.

«Всего минуточку», — искушал он себя.

С кухни, располагавшейся на первом этаже, доносились разнообразные звуки: звякали ложки и гремели тарелки, приглушенно стукнула дверь холодильника, раздались тихие смешки Натти. Обоняние Джека уловило запахи жарящейся яичницы и оладий. Где-то на заднем фоне восприятия звучала музыка, передаваемая местной христианской радиостанцией.

Присев на кровать, Джек потянулся к лампе. Рука его нащупала тоненький, всего в две страницы, буклет с биографией Джорджа Мюллера, священника XIX столетия, который растил и воспитывал сирот, полагаясь лишь на свою веру и молитву. Никогда он не попросил у мирян ни цента благотворительных взносов.

Однажды Мюллер провел ночь в горячей молитве. Когда свет рассеял тьму, еды в кладовой так и не прибавилось. Не желая впасть в уныние, священник усадил сирот за пустым столом, уверенный, что их глубокая вера способна творить чудеса. Не колеблясь ни секунды, Мюллер повелел собравшимся склонить головы и поблагодарить Всевышнего за хлеб наш насущный. Спустя мгновение в дверь дома постучали. Как и следовало ожидать, сироты в тот день сытно поели.

Джек прикрыл глаза и начал шептать молитвы, прося мудрости и руководства в делах, заранее благодаря Бога за ответы. Он помолился за Натти, Лауру и Сан, попросил у Бога лучшего понимания текущих проблем, с которыми сталкивалась его воспитанница, закончив молитву как обычно: «Что бы ни случилось, не позволяй мне не оправдать доверия Натти».

Как только Джек закончил молитву, в дверь тихо постучали.

— Что, дорогуша?

В проеме появилась головка Натти с растрепанными волосами. На девочке был зеленый халат. На ногах — домашние тапочки в виде лягушат.

— Завтрак подан.

Толкнув дверь локтем, Натти внесла поднос с яичницей, оладьями и половинкой банана.

Джек, оттолкнувшись от матраса, выпрямил спину и теперь сидел ровнее.

— С какой стати?

— Ты все не спускался, вот я... — запнувшись, Натти выдала другую версию: — Вообще-то это все Лаура. Она решила, что ты слишком устал, поэтому не можешь спуститься.

Дядя оглядел поднос в поисках столовых приборов.

— Лаура, значит?

Натти проследила за его взглядом.

— Я сейчас!

Девочка умчалась, оставив дядю гадать, что же она задумала на этот раз. Вскоре Натти, запыхавшись, влетела в спальню, принеся столовые приборы и стакан апельсинового сока с мякотью. Она красиво расставила все на подносе, явно намереваясь сервировать завтрак должным образом.

— Передай Лауре, что я высоко оценил ее предупредительность.

Возвращаясь к двери, маленькая зеленая амфибия просияла.

— Передам! *Обязательно* передам! — обернувшись, заверила девочка. — Ой! Почти забыла! Лаура заваривает твой кофе. Он пока стекает в ту... штуковину. Когда перестанет стекать, я его тебе принесу.

Девочка убежала, оставив дядю завтракать в одиночестве. Ночная трапеза, состоявшая из мороженого, не пошла ему впрок. Добросовестно отведав всего понемногу, мужчина решил перевести дух.

«Мне уже далеко не двадцать», — подумал он.

Натти вернулась, неся чашку с кофе, поставила ее на поднос, понюхала, сказала: «Фи!» и удалилась.

Джек молча выпил кофе, а затем облачился в халат с ромбовидным узором из разноцветной шерсти на гладком фоне, тот самый, который Сан, как и многое другое, грозилась сжечь. Выйдя в коридор, он посмотрел сверху на то, что делалось внизу. Ему пришлось прищуриться из-за яркого солнечного света, проникающего в дом через высокие окна в противоположной стене.

Внизу, за длинным кухонным столом, сидела Натти: локти упираются в столешницу, ладони поддерживают подбородок. По сторонам расположились ее пушистые любимцы. Лаура, одетая в платье цвета спелой сливы и такой же передник, улыбнулась ребенку и поспешила дальше к своим делам. Она положила два ломтика бекона на сковороду с длинной ручкой. Те зашипели, разбрызгивая во все стороны жир. Запах жарящегося мяса тотчас же донесся до него.

Любимое лакомство Натти, стоящее, пожалуй, сразу же после «Поп-тарта».

Дядя с минутку понаблюдал, как Натти, оживленно жестикулируя, болтает с няней. Она так размахалась, что случайно сбросила со стола очередной свой список. Листок бумаги упал на пол. Лаура нагнулась и подобрала бумажку. Натти продолжала болтать. Лаура то и дело оборачивалась к ней, отвечая на слова девочки улыбкой, кивком головы либо нахмуренным от удивления лбом.

У Джека потеплело на сердце. Лаура не просто слушала Натти, она старалась с головой окунуться во внутренний мир своей воспитанницы. Она никогда не смотрела на Натти свысока. Няня даже знала имена и «характеры» всех игрушек девочки, а их было никак не меньше сотни. А еще Лаура могла воскресить в памяти почти дословно любой из многочисленных списков, составленных Натти.

Вскоре после удочерения девочки брат и его жена поместили на доске приходской церкви объявление, в котором говорилось, что им нужна приходская няня и домоправительница в одном лице. Спустя несколько дней Лаура появилась на пороге их дома.

— И представь только: она умеет водить машину, — сообщил Дэнни брату во время одной из их редких телефонных бесед. — Ты слышал о женщине из амишей на колесах? Я, признаться, нет.

В то время Джек о таком не слышал, хотя и знал о существовании нескольких общин амишей, которые позволяли своим членам владеть автомобилями. К ним, в частности, относилась семья двоюродного брата Лауры. Эти бичи-амиши¹ проживали к юго-востоку от Вустера в Эппл-Крик. Именно у них в то время жила Лаура.

Дэнни рассказал брату, что няня Натти родилась и воспитывалась в довольно консервативной общине округа Ланкастер до тех пор, пока ее оттуда не изгнали.

— А что случилось? — поинтересовался Джек, но ничего конкретного не узнал, так как брат не желал лезть в чужие дела.

Лаура прекрасно поладила с Натти, и этого вполне хватало. Джек, впрочем, придерживался того же мнения, что и старший брат. По прошествии стольких лет он так и не удосужился побольше узнать о молодой женщине, ведущей его домашнее хозяйство и с таким пониманием и любовью заботящейся о нуждах Натти.

К сожалению, туманное прошлое Лауры и ее изгнание из общины старого обряда вызывали нешуточное любопытство у Сан. Сестру

¹ Ветвь религиозного течения амишей, отличающаяся менее строгими требованиями к пастве. Названа в честь основавшего ее епископа Мозеса М. Бичи (1874—1946). (Примеч. ред.)

Джека словно магнитом притягивало ко всему таинственному, имеющему отношение к чьей-нибудь семейной драме.

«Наша сестренка любит дразнить медведя лишь для того, чтобы услышать его рычание», — как-то пошутил на ее счет Дэнни.

— Конечно, ее изгнали, но амишем она от этого быть не перестала, — выразила свое мнение Сан. — Не похоже, чтобы она превратилась в обычную американку.

— Она член общины бичи-амишей, — пояснил Джек.

— Какая разница? — подняв глаза к небу, произнесла сестра. — Почему она не покается в своих грехах и не вернется?

«Я рад, что она не кается», — подумал Джек.

В противном случае Лаура давно бы воссоединилась со своей общиной, а им пришлось бы обходиться без ее услуг. Конечно, это было эгоистично с его стороны, но неразрешенные проблемы Лауры в отношениях с родней благотворно отражались на нем и Натти. В конце концов, какое кому дело? Джек уже не мог представить себе жизнь без Лауры. Что же до изгнания, то амиши могут выгнать человека из общины за самые нелепые проступки, например за шляпу с узкими полями, мобильный телефон либо запрещенную учетную запись в «Фейсбуке».

Какие бы тайны ни скрывала Лаура, ее поведение совсем не соответствовало тому, чего ожидаешь от изгнанного из религиозной общины человека. Для того чтобы тебя изгнали, ты должен быть бунтовщиком, а Лаура Маст отличалась мягкостью характера и смирением.

Джек стоял, прислонившись к перилам ограждения. Лаура подняла взгляд.

— Привет! *Wie geht's?*¹

Джек поблагодарил ее за завтрак, и Лаура просияла.

Натти вскочила с места.

— Дядя Джек! Лаура ведет меня гулять в парк!

Дядя притворился, что огорчен.

— Опять?

— Да! — пронзительно вскрикнула девочка. — Опять! Опять! Опять! Я буду ходить в парк до тех пор, пока не постарею и не поседею, как ты!

Плотнее запахнув халат, Джек присоединился к компании, решив выпить еще одну чашку кофе.

Составляющая очередной список Натти указала ему на табурет подле себя.

¹ Как дела? (нем.)

— Подбери животик, дядя Джек.

Лаура отчищала рабочую поверхность плиты, время от времени вытирая пот со лба. Закончив, она отступила на шаг, уперлась руками в бока и окинула оценивающим взглядом результат своих усилий.

— Лаура сегодня в темно-синем, — заметила Натти. — Дядя Джек! Ей ведь идет темно-синий цвет?

— Не начинай, — тихо произнес ей на ухо Джек.

— Я только...

Лаура потупилась, словно разглядывала свою одежду.

— А-а-а-а... Цвет же не очень броский?

— Совсем не броский, — не сводя глаз с племянницы, ответил Джек.

— Дух захватывает! — высказала свое мнение Натти. — И-и-и... *zimmlich*¹... миленько...

Лаура сказала что-то своей воспитаннице по-немецки. Джек так и не понял, что именно. Натти бегло ответила ей. Он улыбнулся. У его маленькой девочки и ее няни есть свой непонятный ему язык.

Спустя некоторое время Лаура ушла наверх собирать белье для стирки.

Вернувшись, она пробежала глазами список продуктов, которые нужно купить в магазине.

— Особые пожелания есть?

— «Поп-тартс» закончились, — сказала Натти.

— Боюсь, что три штуки в день — это далеко не здоровая диета, — возразила Лаура.

Натти обиделась.

— Слышала? — попивая кофе, произнес Джек.

— Я люблю «Поп-тартс».

Лаура положила список на стол.

— Ладно, тогда все решено.

Она вышла в общую комнату.

Натти воспользовалась этим, чтобы в очередной раз пристать к дяде:

— Я вот подумала насчет свидания с Лаурой, дядя Джек. Можно будет пригласить ее на обед в ресторан.

Свидание.

— Забудь об этом, юная леди, и держи язык за зубами, если хочешь еще когда-либо в жизни полакомиться «Поп-тартс», — быстро прошептал в ответ Джек.

¹ Изрядно, довольно (*разг. нем. амишей*).

Сидевшая прямо девочка надула губки, набрала побольше воздуха в легкие и с шумом выдохнула. Они не сводили друг с друга глаз. Джек поднял брови. Натти негромко фыркнула.

— Юная леди...

— Просто дышу, — обиженно заявила девочка. — Что, *подышать* уже нельзя?

Отпив еще немного кофе из чашки, Джек, потянувшись, взялся за маленького игрушечного поросенка Натти. После этого поросенок зашагал к пустой тарелке девочки, в которой еще недавно была овсянка.

— Пожалуйста, не ешьте меня, мистер Фермер, — высоко, попоросячы взвизгнув, взмолился Джек.

Девочка захихикала. Вот и ладненько!

Она с радостью показала дяде список того, чем собирается заняться летом:

- 1) Катание на велосипеде,
- 2) купание в бассейне,
- 3) слушать вместе с Лаурой птичьи песни,
- 4) посещение лучшего кафе-мороженого,
- 5) игра на детской площадке в парке (5-й пункт, потому что мне уже почти 9).

— Амбициозный план, — дочитав до пятнадцатого пункта, сказал Джек.

Он притворился, что тщательно изучает список. От внимания дяди, впрочем, не укрылось, что слушать птичьи песни в компании с Лаурой Натти нравится даже больше, чем посещать кафе-мороженое или играть на детской площадке в парке.

— Это твоя копия, — объявила девочка.

— А где игра на рояле?

Натти нахмурилась.

— Лето же.

Джек рассмеялся и указал на располагавшееся под девятым номером желание заночевать у Ханны.

— Не помню, кто такая эта Ханна. Я должен знать всех родителей твоих подруг. Запомни это. Если я не одобрю, ничего не выйдет.

Улыбнувшись, Натти по-военному отдала честь.

— Так точно, капитан!

Наведя порядок после вчерашнего вечернего кинозала в гостиной, вернулась Лаура и, положив руку на плечо девочки, сказала:

— Сегодня будет жарко, дорогая.

Натти что-то ответила на пенсильванском диалекте немецкого.

— Можно надеть шорты, — поддержал няню Джек, упомянув между делом, что колибри не откажутся от сладенького.

— *Jah, gut*¹.

Лаура с готовностью добавила в список покупок рафинад. Когда Джек допил свой кофе, женщина поставила чашку в посудомоечную машину.

Вернувшись к себе наверх, Джек принял душ и переоделся в джинсы и футболку. После он на часок засел в своем рабочем кабинете, располагавшемся в угловой комнате дома. В нем целая стена была посвящена истории авиации: сувениры, DVD-диски, плакаты со снимками самолетов... На единственной деревянной полке стояло несколько моделей.

Широкое окно выходило на поросший деревьями задний двор. На дубовом столе Джека кипами лежали счета, выписки из банковского счета и квитанции. Кружка с изображением Снупи-авиатора², подарок Сан, стояла справа. Вверх клубами поднимался пар. Третья чашка кофе за день. Он обычно ограничивался тремя чашками.

Некоторое время Джек работал в полной тишине, изучая отчет о прибылях и убытках его «Хайе Граунд Авиэйшен Инкорпорейтед» за прошедший месяц. Кое-какие цифры оказались ниже, чем он предполагал.

Заслышав стук в дверь, он приподнял голову и сказал:

— Открыто.

В дверном проеме возникла голова Лауры. Скромно улыбнувшись, она вошла и уселась на ближайшем к двери стуле. Так она всегда вела себя, когда нужно было обсудить с ним планы на будущую неделю и внести кое-какие изменения. Лаура убрала со лба выбившуюся прядку волос и немного нервно расправила складки своего чепца.

— Я забыла сказать, что сегодня меня подвез мой двоюродный брат Питер, — встретившись с Джеком взглядом, сообщила она. — Моя машина в ремонте.

Джек, небрежно махнув рукой, ответил на невысказанную просьбу няни:

— Я с радостью тебя подвезу, Лаура. Натти любит покататься за городом.

«Особенно если там живут амиши», — мысленно прибавил он.

¹ Да, хорошо (*нем.*).

² Снупи — пес, популярный персонаж серии комиксов, созданный художником Чарльзом М. Шульцем в 1950 году.

На лице Лауры отразилось облегчение вместе со смущением. Джек сказал, что в два часа он должен заехать в школу. Надо будет обсудить успеваемость и поведение Натти. Лаура согласно кивнула головой. Женщина взглянула в свой блокнотик.

— Значит, продуктовый магазин, «Биллз Хардваре» и «Уол-март», — прикусив губу, произнесла она. — Сколько денег можно потратить в этом году на цветы?

Каждый год землю вокруг дома обсаживали однолетними растениями, которые цвели летом.

— На твое усмотрение, Лаура.

— *Denki...* Спасибо.

Она покраснела.

Несмотря на долгие годы знакомства, Джек до сих пор находил ее застенчивость очаровательной.

— Я вот еще о чем подумала...

Лаура принялась излагать свои мысли насчет висячего сада перед домом.

— Пришла пора высадить новый. Тот, что у нас сейчас, я сажала еще тогда... давно...

— Замечательно, — согласился Джек. — Оставляю это на твое усмотрение.

Повернувшись на стуле, Лаура выглянула в щелку, не видно ли Натти поблизости, а затем плотно прикрыла дверь. Начиналась «приватная» часть разговора.

Подавшись вперед, Джек ввел няню в курс вечернего разговора с Натти, опустив, впрочем, то, кого девочка хочет видеть в качестве его жены.

Когда он умолк, Лаура на секунду закрыла лицо ладонями, а потом сказала:

— Это случилось вчера на детской площадке... — начала она свое печальное повествование.

Там играли одноклассницы Натти в сопровождении своих мам. Все было хорошо до тех пор, пока воспитанница не стала называть ее мамой. Не желая ставить девочку в неудобное положение, Лаура ей подыграла, но по дороге домой тактично объяснила, что, хотя она польщена, мамой Натти она не является, поэтому называть ее так девочке не следует.

Натти, казалось, восприняла ее слова спокойно, но по мере того, как день клонился к вечеру, начала выказывать признаки недовольства. Перед уходом Лаура попыталась с ней поговорить, но Натти отбросила все ее доводы.

— Не думаю, что это уж слишком ее тревожит, — сказал Джек.

— Надеюсь, что так оно и есть.